

Парвов Федор Федорович

Полиция и разбойники в селах

**Разбои на больших дорогах в
Холмском и Старорусском уездах
Шустенка Степы и Слизки с 1856 г
до конца 1864 г**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Федорович П.**
Полиция и разбойники в селах: Разбои на больших дорогах в Холмском и Старорусском уездах Шустенка Степы и Слизки с 1856 г до конца 1864 г / Парвов Федор Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 177 с.

ISBN 978-5-521-27257-0

ISBN 978-5-521-27257-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОЛИЦІЯ И РАЗБОЙНИКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Мы, жители столицъ, благодаря своему многолюдству и дѣятельности городской полиціи, не имѣемъ и понятія о той опасности, которая ежеминутно грозитъ и лицу и имуществу въ отдаленныхъ селахъ и даже городахъ, не только уѣздныхъ, но иногда и губернскихъ. „Въ отдѣлѣ внутренней почты—такъ говорили еще недавнохъ „Московскія Вѣдомости“—читатели найдутъ извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода такого же печальнаго характера, какъ и извѣстія изъ многихъ провинціальныхъ городовъ Россійской

имперіи. Рѣчь идетъ о нестерпимомъ разгулѣ лихихъ людей, о воровствахъ, грабежахъ и разбояхъ, совершаемыхъ во множествѣ и съ дерзостью поразительной, совершаемыхъ чуть не на глазахъ народа, среди бѣла дня. Намъ пишутъ объ этомъ изъ такого значительнаго центра, какъ Нижній-Новгородъ; еще горчайшія жалобы слышались за послѣднее время въ печати изъ меньшихъ городовъ, Ельца, напримѣръ, Гжатска и др. Одинъ изъ гжатскихъ корреспондентовъ съ того и начинается, что „Гжатскъ находится *въ осаду* у воровъ и мошенниковъ“. Размѣры зла — заключаетъ газета — заставляютъ обратить на него серьезное вниманіе и задуматься о мѣрахъ къ борьбѣ съ нимъ, о мѣрахъ къ его возможному прекращенію. Неужели и предъ этимъ зломъ мы окажемся также беззащитными и бессильными, какъ „отсиживаемся“, говоря древнимъ лѣтописнымъ выраженіемъ, отъ холеры, пожаровъ, сибирской язвы, и прочихъ золъ? Но вѣдь на бездѣятельность и слабость полиціи едва-ли можно смотрѣть только какъ на испытаніе,

посылаемое свыше, а въ недостаткахъ администраціи и ея упущеніяхъ видѣть одно „попущеніе Божіе?“

Все это справедливо, но нельзя всего ожидать отъ дѣятельности и силы полиціи; нужно также изучить самое зло, такъ сказать, въ лицахъ, и съ этою цѣлью мы взялись за настоящій рассказъ о разбояхъ въ Холмскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ, а эти разбои, — пользуемся выраженіемъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ — держали цѣлые уѣзды въ осадномъ положеніи съ 1856 года до конца 1864 года. Случай доставилъ намъ возможность лично познакомиться съ условіями мѣстной жизни пострадавшихъ уѣздовъ, и кромѣ того мы воспользовались богатымъ матеріаломъ, какой представили намъ рукописныя воспоминанія И. А. Волкова, чрезъ руки котораго прошли пойманные разбойники.

I.

Въ Холмскомъ уѣздѣ и до сихъ-поръ живетъ ужасная память о томъ, какъ безнаказанно, въ теченіе слишкомъ семи лѣтъ прогуливались по

селахъ и городамъ неуловимые Шустенокъ, Степа и Слизкой; о ихъ посѣщеніи можно было узнавать только по кровавымъ слѣдамъ ихъ подвиговъ. Послѣдній изъ нихъ былъ такъ и прозванъ „слизкимъ“ за свою удивительную для народа способность ускользать изъ-подъ ареста; сотскіе-крестьяне и полицейскіе чиновники увѣряютъ, что Слизкой, былъ до двѣнадцати разъ пойманъ, и каждый разъ благополучно уходилъ. Случалось, что сотскіе, скрутивъ его крѣпко-на-крѣпко веревками, съ угрозами и насмѣшками надъ видимымъ безсиліемъ Слизкого, приводили его въ станъ, сдавали лично становому, тотъ лично запиралъ его въ арестантскую камеру и обставлялъ земскимъ карауломъ,—и все-таки поймавшіе его крестьяне не успѣвали отойти отъ становой квартиры десяти верстъ, какъ ужъ изъ лѣса свисталъ имъ обгонявшій ихъ Слизкой, съ угрозою сжечь деревню своихъ недоброжелателей. Случалось что угроза этого злодѣя не была одними словами; несчастные крестьяне платились стогами сѣна, ржи и домами, потому что Слизкой нисколько не стѣ-

снялся „подпускать подъ нихъ краснаго пѣтуха“. У Слизкого была шайка, которая съ поимкою ихъ атамана разсѣялась и ушла частью въ Сибирь. Спаслись немногіе, и между ними Степа, набравшій вновь шайку.

Степа былъ въ полномъ смыслѣ слова атлетъ. Аршинъ около трехъ роста, могучъ и плечистъ, онъ въ состояніи былъ остановить любую пару лошадей съ экипажемъ, лишь-бы удалось ухватить послѣдній хоть за что-нибудь. Въ шайкѣ его, имѣвшей притоны по большой старорусской дорогѣ въ Холмъ, въ лѣсу и деревняхъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ Шустовъ Егоръ, называемый народомъ просто „Шустенокъ“. Существенная разница въ ихъ характерахъ опредѣлялась—въ Степѣ какимъ-то инстинктивнымъ чувствомъ состраданія къ бѣднымъ людямъ, которыхъ онъ не только не обижалъ, но напротивъ, самъ проводилъ лѣсомъ верстъ по шести, давалъ денегъ, и отпуская говорилъ, что Степы молъ бояться не слѣдуетъ. Но Шустенокъ отличался одинаковой ко всѣмъ жестокостью. Изъ безчисленныхъ разсказовъ

о великодушныхъ поступкахъ Степы, для примѣра можно привести одинъ случай съ бѣдной старухой, холмской мѣщанкой. Въ небольшомъ перелѣскѣ передъ Поддорьемъ, старуху застигли сумерки. Перетрусившись и безъ того отъ ожидавшей на каждомъ шагу встрѣчи съ разбойниками, она, потерявъ присутствіе духа, спѣшила, удвоивъ шаги, добраться скорѣе до первой деревни. Полная страха, она не видала даже, что ее догонялъ какой-то купецъ и подойдя къ ней ласково спросилъ: далеко-ль Богъ несетъ?

— Далекъ, батюшка, далекъ... въ самый ижно Холмъ... отвѣтила старуха, обрадовавшись, что случился попутчикъ.—А вы далеко-ль?

— Я въ Поддорье... Не спѣши, старушка, пойдемъ вмѣстѣ; вмѣстѣ веселѣе...

— А та батюшка!.. Какъ можно? Ночь на носу, а тутъ дѣло стало такое—лѣсъ!.. Не равень часъ... Дай Богъ въ часъ сказать, а въ худой помолчать... Вѣдь тутъ этотъ разбойникъ-то ходитъ, Степанъ-то... Съистъ укоемный!..

— А ты боишься Степана-то?—спросилъ купецъ, посмотрѣвъ съ любопытствомъ на старуху.

— А поди ты не боишься? Какъ его, этакого душегуба, и не бояться... Остатнюю адеженку отойметъ.

— Ну, не бойся!.. успокоительно ободрилъ ее купецъ.—Ну, что, какъ у васъ въ Холму!.. Купцы-то поди все богачи?..

— Есть батюшка и богачи, есть и бѣдныхъ много... бѣдныхъ-то больше...

— А у тебя есть-ли тамъ домишка, аль такъ въ бобылькахъ?..

— Нѣту родной... одна, вотъ, какъ перстъ... Былъ сынокъ, да лѣтось поѣхалъ въ Питеръ на баркахъ Боборыкинскихъ—утонулъ сердешный... Купцу показалось, что будто-бы старуха прослезилась.

— Такъ, значитъ, теперь по бѣдности и живешь?... спросилъ онъ.

— Да родной... Вотъ покулъ силы-то хватаетъ, такъ лѣтомъ хожу полоть по купцамъ, а зимой хожу шерсть чешу, да пряжу тку; такъ вотъ и питаюсь.

Заболтавшись путники не замѣтили, какъ

вышли изъ лѣса; въ полверстѣ зачернѣлась деревня и кое-гдѣ въ окнахъ сверкнулъ огонь.

— Ну, бабушка, иди съ Богомъ... На-ко возьми на дорогу... Ты странный человѣкъ,— проговорилъ купецъ, подавая старухѣ десяти-рублевую бумажку.

— Не надо родный!.. Не надо... Не за-что отнѣживалась старуха, но купецъ уже былъ за канавой и уходя въ лѣсъ кричалъ ей:

— Возьми, возьми старушка себѣ,—это тебѣ отъ Степы... знай, что Степа не такой душегубъ, чтобъ его бояться всякому... Ежели еще когда Богъ приведетъ встрѣчу, еще не пожалѣю... прощай!.. И съ послѣдними словами Степа скрылся во мракѣ лѣса, оставивъ старуху съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія. Въ каждой деревнѣ старуха рассказывала всѣмъ встрѣчнымъ о щедрости Степы, но въ Холму долго боялась рассказывать, боясь, чтобы отъ ней не потребовалъ Степина подарка исправникъ.

Но съ людьми состоятельными Степа не былъ такъ великодушенъ. Смотря по состоянiю попавшагося въ его лапы субъекта, онъ

или кругомъ обиралъ его, или оставлялъ столько, сколько считалъ необходимымъ оставить ему на путевыя издержки. Главная система вымогать деньги отъ богатыхъ обывателей той мѣстности, гдѣ ему вздумается на время поселиться, были письма съ требованіемъ выслать известную сумму денегъ на назначенное мѣсто, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, сжечь не только домъ и все имущество намѣченной имъ жертвы, но превратить въ пепелъ цѣлое селеніе. Угрозы эти, также какъ и угрозы Слизкаго, не были обыкновеннымъ застращиваньемъ; нѣсколько богатыхъ деревень, множество скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, преданныхъ пламени, и убиваніе лучшихъ лошадей, принадлежавшихъ лицамъ, не исполнившимъ его требованій, — были осязательнымъ доказательствомъ того, что Степа не любилъ шутокъ. Этой звѣрской системой онъ навелъ страшную панику на всю мѣстность, отъ Ефремова до Холма, на пространствѣ шестидесяти верстъ во всѣ стороны отъ большой дороги. Попада была обѣщана только тѣмъ деревнямъ, гдѣ онъ

думалъ встрѣтить для себя и своей шайки, состоявшей человѣкъ изъ шести-семи, не болѣе, какъ гостепріимный кровъ, и если замѣчалъ малѣйшій признакъ измѣны, мстилъ беспощадно. Это тяжелое положеніе столь ужасной зависимости трехъ-четырехъ волостей отъ разбойника, конечно, не могло оставаться долго терпимо, и между крестьянами стали появляться смѣлые голоса, призывавшіе къ сверженію съ себя разбойническаго ига. Но у Степы повсемѣстно были свои агенты, которые служили его интересамъ не столько изъ солидарности ихъ убѣжденій съ нимъ, сколько тоже изъ страха потерять все свое достояніе. Благодаря этой системѣ и тому, что обѣ полиціи, старорусская и холмская почему-то благодушно относились къ дѣятельности Степы, видя въ ней только одни шалости, ужасный образъ Степы выросъ въ такого исполина, что именемъ его матери страшали расплакавшихся дѣтей и о похожденияхъ Степы сложились цѣлыя легенды. Въ лѣсахъ — недалеко отъ большой дороги, часто въ ночное время пылали костры и передъ